

ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

В последние годы наблюдается в целом положительное явление – общество стало более информированным о состоянии преступности в республике и о мерах борьбы с ней. Однако отсутствие квалифицированных комментариев к публикуемой статистике и поток ужасающих подробностей в криминальной хронике не могут не вызывать у людей страх за себя и за своих близких, неуверенность в завтрашнем дне, ощущение незащищенности. В свою очередь, чувство страха перед преступными посягательствами порождает и негативные изменения в человеческой психике.

С другой стороны, в среде обывателя растет не только страх. Все больше и больше людей высказываются за ужесточение уголовных санкций, за смертную казнь убийцам и взяточникам, насильникам и ворам – растет жажда мести. Конечно, подобные преступники не могут вызывать ничего, кроме презрения и справедливого возмущения, а также требования их наказания. Все так.

Но очень плохо, даже губительно для общества то состояние, когда совершенное преступление вызывает лишь ненависть к преступнику и жажду мщения, когда за совершенное насилие звучит призыв применять к виновному еще большее насилие.

Плохо, если наши чувства не вызывают к жизни и иные побуждения – желание осмыслить и понять, желание разобраться в этом явлении.

Плохо, наконец, если в обществе отсутствует понимание и нет жалости к падшим. Ведь, как ни парадоксально звучит, преступник тоже жертва, жертва той социальной системы, в которой он вырос. Еще 160 лет назад Ад. Кетле по этому поводу писал: “... проступки людей происходят не столько от пороков отдельных виновников, сколько от состояния общества, в котором эти лица заброшены”¹, и далее: “Общество содержит в себе зародыш всех преступлений, которые должны совершиться. Оно подготавливает их, в известном смысле, и преступник – только орудие, выполняющее их”². Значит плохо, сети за их безнравственными и преступными деяниями не видеть и безнравственность самой социальной системы того государства, что создало благоприятную почву для падения нравов, социальной несправедливости и социальной апатии, а также условия, где борьба за свое существование принимает ненормальное проявление.

Об этом аспекте, а именно о взаимозависимости между состоянием социального организма /общества/ и состоянием преступности, ранее и умалчиваюсь. Тогда в криминологической науке лишь постулировалось, что в социалистическом обществе нет, и не может быть коренных причин преступности, что уровень последней неуклонно снижается, а при коммунизме преступность и вовсе исчезнет.

Несостоятельность подобных утверждений очевидна, вот почему мы не будем вдаваться в более подробную критику. Чтобы не быть голословным, следует обратиться к статистике наиболее тяжких проявлений насильственной преступности в Молдове и попытаться проследить отмеченную выше связь.³

Прежде чем перейти к анализу, необходимо привести ряд положений, относящихся

¹ Ад. Кетле, *Социальная физика*. т. 1, с. 51.

² Там же, с. 13.

³ Обращаюсь именно к этому виду преступности, т.к. он менее латентен, а также из тех соображений, что подобные деяния считались преступными практически во все времена и у всех народов.

непосредственно к данному вопросу, хотя бы в общих чертах дать характеристику насилию как социальному явлению и закономерностям его проявления в человеческом обществе.

С внешней /чувственной, эмпирической/ стороны, насилие есть воздействие одного субъекта социального отношения /личности, социальной группы, класса, государства/ на другой субъект, это акт применения силы, сводящийся к принуждению, непосредственному подавлению либо уничтожению объекта насилия. Такое воздействие имеет целью реализацию своих интересов и удовлетворение потребностей вопреки воле, желанию объекта насилия и в ущерб его интересам. Иными словами, насильственное поведение представляет собой активное самоутверждение за счет другого субъекта социального отношения. Жизненные интересы и благополучие одних лиц приносятся в жертву другим.

Насилие есть комбинированная равнодействующая социальных и биологических /генетических/ факторов. Его истоки уходят в далекие времена, в глубину которых нам трудно заглянуть.

Действительно, нельзя думать, что борьбу за выживание наш далекий предок, отделившись около 10 млн. лет назад от животного царства, осуществлял цивилизованными средствами. Далекий путь человечества из дикости и варварства в цивилизацию был периодом господства грубой силы во всем.

С возрастанием роли общественной среды, с переходом эволюции к отбору на уровне организации социальных структур биологическая подструктура /т.е. включенные в генотип свойства/ не исчезла. Генотип человека, на мой взгляд, как бы “замораживается”, готовый “включиться” как только для этого появятся соответствующие условия. Возникнув на биологической, наследственной основе, насилие проявляется в качественно иной области – социальной. И если одна социальная организация общества может способствовать проявлению, например, альтруистического поведения, то другая – наоборот – насилию. Словом, из генетического арсенала человека в каждую историческую эпоху реализуется не весь генетический потенциал, а лишь та его часть, которая соответствует сложившимся в данное время и в данном месте социальным условиям. Это происходит, вероятно, потому, что к жизни востребуются всегда те свойства, которые оптимально позволяют организму адаптироваться к конкретным условиям среды, и значит, в конечном счете, на формирование личности, на ее поведение огромную роль оказывают и социальные условия. От самой социальной системы, от социальной организации общества зависит то, какие взаимоотношения между составляющими его индивидами будут преобладать. Вот почему изучение конкретной системы общественных отношений и должно служить исходной точкой анализа насилия и насильственной преступности.

Лучшим понятием о господствующих в том или ином обществе ценностях служит благо составляющих его членов, т.е. ценность каждого отдельного человека, его жизнь и здоровье, его честь и достоинство.

Большая или меньшая частота совершения тяжких насильственных преступлений, наряду с иными показателями, например, с производительностью труда, качеством жизни, уровнями смертности и средней продолжительности жизни, миграционных и эмиграционных процессов, уровнем самоубийств, наркомании, алкоголизма и т.п. позволяет сравнивать между собой социальное устройство, существующее в данное время в различных обществах либо в одном и том же обществе в разное время с точки зрения служения благосостоянию составляющих данный социальный агрегат индивидов.

Социальная организация общества тем выше и тем эффективнее, чем успешнее она служит благосостоянию индивидов. Поэтому, чем больше то ил и иное общество

“вырабатывает” среди себя субъектов, которые грабят, убивают, насилуют, тем неудовлетворительнее его общественные отношения, тем менее развита в нем настоящая общественная жизнь, приучающая человека к обдуманному образу действий, к уступкам интересам других.

С ростом культуры, образования, благосостояния индивидов, с возрастанием роли социальной организации общества, по мере движения его по пути цивилизации и прогресса, происходит как бы “смягчение” нравов, улучшение человеческой природы.

Отсюда, вероятно, должны постепенно суживаться отношения, основанные на насилии. Можно предположить, что и насильственная преступность, как одно из проявлений насилия, также должна сокращаться; должны происходить изменения ее структуры в сторону уменьшения наиболее грубых форм насилия /убийства, изнасилования, разбои/. Значит, за большой период времени должна наблюдаться /при нормальном, естественном саморазвитии общества/ общая тенденция снижения насильственной преступности и ее наиболее тяжелых проявлений. Причем не исключены /в рамках указанной тенденции/ отдельные периоды роста. Каждое общество, надо полагать, будет отличаться своим уровнем, своим специфическим проявлением феномена насилия, что в свою очередь находится в прямой зависимости от его социальной организации, от национальных и культурных особенностей. Можно даже утверждать: наличие определенного уровня насилия в обществе – вполне нормальное явление. Однако превышение данного уровня будет уже свидетельствовать о неблагоприятных тенденциях в таком социальном агрегате, а при перенасыщении общества насилием, т.е. когда рост насилия значительно опережает рост населения, мы с большой долей вероятности можем утверждать о происходящих деструктивных процессах в обществе и о том, что оно находится перед большими социальными потрясениями.

Раскрытие сущности насилия и определение общих закономерностей ее существования позволяют делать вывод о том, что насильственная преступность действительно может служить одним из важнейших показателей, характеризующих систему общественных отношений, и с ее помощью мы можем поставить соответствующий “диагноз” любому обществу.

Обратимся к статистике тяжелой насильственной преступности Бессарабии, которая и послужит точкой отсчета при проведении анализа. В среднем, ежегодно в 1873-1875 гг. здесь совершалось: около 100 убийств, 50 изнасилований, 140 грабежей и разбоев. Коэффициенты данных видов преступности составили соответственно: по убийствам – 8,6; изнасилованиям – 4,3; по грабежам и разбоям – 10,1. А общий /суммарный/ коэффициент указанных видов преступности /здесь он обозначен как – КфН “коэффициент насилия”/ составил – 25,0.

В 1876-1880 годы КфН составил – 263; в 1881-1885 г.г. – 23,9; в 1886-1890 г.г. – 27,7; в 1891-1895 г.г. – 31,3 и, наконец, в 1896-1900 годы коэффициент насилия составил – 33,1.

Далее будем пользоваться еще одним термином – “коэффициент деструктивности” – КфД, которым измеряется ежегодный рост /накопление/ насилия в обществе. В среднем, за 1873-1900 г.г. /27 лет/, ежегодное накопление насилия в Бессарабии составило – 0,31 единицы. Здесь же следует подчеркнуть, что уровень указанных выше видов насилия возрос за те же годы на 132,4%, в то время как население возросло на 189,1%, т.е. процесс накопления насилия отставал от демографических процессов. Необходимо также отметить, что в Бессарабии указанные виды преступности совершались не чаще, чем в целом по Российской Империи, а также в других странах Европы того времени: Франции, Пруссии, Польше, Англии.

Теперь обратимся к статистике более современной. Начиная с 1971 года, а именно с

этого времени ведется официальная статистика преступности у нас в республике, уровень наиболее тяжелых форм уголовно наказуемого насилия постоянно рос. Но рост этот далеко не одинаков. Если КфН, за 1971-1975 г.г. составлял в среднем /в год/ – 17,0, то в последующие годы он выглядел соответственно: 1976-1980 г.г. – 23,7; 1981-1985 г.г. – 32,5. В 1986 году наблюдается некоторое снижение КфН после чего начинается резкий рост всех показателей. Коэффициент насилия возрос с 28,5 в 1986 году до 79,0 в 1992.

Коэффициент деструктивности за последние 6 лет составил 8,4 единицы в год, в то время как до 1985 года он был всего 1,5. Значит, процесс насыщения общества насилием шел до 1985 года в 5 раз, а с 1986 до настоящего времени в 24 раза быстрее, чем 100 лет назад. Это подтверждается и другими показателями. Так, если уровень отмеченных видов насилия возрос за 20 последних лет на 464,7%, то уровень населения за тот же период времени – всего лишь на 120,7%.

Как видно, уровень тяжелой насильственной преступности в настоящее время намного выше, чем в Бессарабии, но он, как показывает статистика, не выше, чем в целом по бывшему СССР в 1971-1990 г.г. и уж ни в какое сравнение не идет с состоянием насильственной преступности в развитых капиталистических странах, где, хотя и наблюдается рост всей преступности, но этот рост стабилен и невелик, структура преступности в целом – устойчива, число наиболее тяжелых проявлений насильственной преступности имеет тенденцию к снижению.

Кроме отмеченных выше количественных изменений тяжелой насильственной преступности, наблюдается тенденция резких изменений и ее качественных показателей: растет число убийств и изнасилований, совершенных с особой жестокостью, издевательствами, глумлениями над жертвами; многие преступления совершаются с применением оружия; растет число посягательств на представителей правоохранительных органов; велика доля насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними и женщинами; увеличивается доля групповых посягательств и др.

Приведенный анализ, при учете высказанных ранее положений, характеризующих феномен насилия, указывает на резкий ее рост – наипервейший признак, сигнализирующий о “больном обществе”. Более того, темпы накопления насилия привели в конце 80-х годов к перенасыщению общества насилием, масштабы которого свидетельствовали о глубочайших противоречиях нашего общества и явились важнейшим симптомом нарастающей социальной катастрофы в Молдове.

Что же случилось с нами, если вместо ожидаемого снижения насилия мы пришли к “установке насилия”⁴, к еще большему насилию и жестокости, к обесцениванию человеческой жизни?

Здесь нет возможности остановиться и описать все факторы, приведшие к этому. Отмечу лишь, что сегодняшнее насилие, на мой взгляд, есть результат нарушения хода естественного саморазвития общества, подмены механизмов саморегулирования общественной системы и попытки переделывать ее по определенному плану.

Вероятно, есть какие-то неуловимые законы бытия, которыми нельзя пренебрегать и которые тем более нельзя нарушать, ибо это оборачивается катастрофой. И вот сегодня мы пожинаем плоды социального эксперимента, поставленного большевиками.

Отсутствие цивилизованных основ жизни в бывшем Союзе привело к тому, что

⁴ Под установкой насилия понимаю выражение ценностной ориентации в форме социально детерминированной предрасположенности личности к заранее определенному отношению-позиции, к выбору насилия как средства реализации своих интересов и удовлетворения потребностей.

изменился человеческий элемент, деформировалась личность, а это катастрофа более опасная, чем экологическая или атомная.

Насилие, садизм, варварство и вандализм, а также одичание и произвол копились долгие годы и не находили себе выхода, так как существовала монополия государства на насилие и беззаконие. Теперь, когда монополия нарушена, когда наступила “свобода” – вся мерзость выходит наружу из самых темных уголков человеческого “Я”. Естественно, наши люди, никогда не обладавшие правами, не имевшие опыта институционализации гражданских прав /посредством института собственности в первую очередь/; по сути, не имевшие опыта свободы и понимавшие свободу всего лишь как своеволие, – иначе и не могли /и не могут/ реализовать свои интересы и удовлетворить свои потребности, как через насилие. Мало надежды, что и впредь, эти же люди, не способные обойтись без насилия в межличностных конфликтах, смогут решать территориальные, политические, этнические и т.п. конфликты иными средствами, кроме насилия.

Приведенные исследования, анализ работ по проблемам социального насилия, статей в масс-медиа, выступлений политических и общественных деятелей Молдовы, а также происходящие в последнее время события подтверждают сказанное выше. Например, около 61% взрослых и 86% несовершеннолетних допускают /с различными оговорками/ применение силы к другому человеку. Среди осужденных за совершение насильственных преступлений данный показатель еще выше и составляет соответственно 83% и 92%.

Однако анализ состояния насильственной преступности, а также приведенные социологические исследования не просто говорят о том, что в нашем обществе утвердилась установка насилию; они, к сожалению, доказывают, что эта установка в последние 6-7 лет стала доминировать, образуя в обществе высокий потенциал насилия, который должен был реализовать себя. В каких именно формах (общуголовных насильственных деяниях, массовых беспорядках, революциях, войнах) – зависело уже от частных обстоятельств. В данном плане следует подчеркнуть: и война в Приднестровье была одной из форм реализации этого потенциала, наряду со всплеском насильственной преступности, ростом вандализма и жестокости.

К сожалению, и сегодня сохраняющаяся система общественных отношений /несмотря на все попытки ее реформировать/ воспроизводит во все возрастающем масштабе отношения насилия во всех сферах и на всех уровнях социального организма. Нет никаких признаков изменения менталитета наших людей. Установка насилию по-прежнему доминирует, сохраняя тем самым высокий потенциал насилия в обществе, что, в свою очередь, обуславливает и в будущем довольно высокий рост различных форм насильственного поведения. Уже ныне уровень насилия и темпы его накопления свидетельствуют о том, что наше и без того больное общество достигло того опасного рубежа, за которым начинается процесс самоуничтожения и вырождения этноса.

Хотелось бы ошибиться в прогнозах и сделанный вывод объявить плодом незрелых измышлений. Однако катастрофическое экологическое состояние республики, уровень детской смертности и средней продолжительности жизни, происходящие демографические процессы, уровень алкоголизации и наркотизма, качества жизни, возрастающее количество рожденных уродов и умственно отсталых детей /а этот перечень можно продолжить/ лишь подтверждают печальный вывод – Молдова в опасности! И данная опасность таится в самом обществе. В этом же обществе заложен потенциал, способный привести к духовному возрождению и к спасению. Вопрос лишь в том – воспользуемся мы им либо исчезнем в небытии, как когда-то исчезали цивилизации, империи, народы?

Сегодня перед обществом стоит долгий путь избавления от “установки насилия”, движения к неприятию насилий и до “этики ненасилия”

Однако переход к ненасилию или хотя бы минимизация насилия как средства решения любых конфликтов требует от отдельного индивида, от социальных групп и от общества в целом более высокого уровня в общесоциальном, культурно-историческом, интеллектуальном, психологическом и нравственном отношениях. Иначе говоря, нужен другой уровень социальной и духовной зрелости людей.

Происходящие в настоящее время в республике процессы включения механизмов рыночной экономики, признание частной собственности, изменения в политической системе позволяют надеяться, что наше общество вступит, в конечном счете, в русло нормального, естественного саморазвития, что начнется духовное возрождение народа.

В одной статье невозможно затронуть весь комплекс проблем, связанных с проблемой “общество – преступность”, но изложенное выше все же позволяет сделать вывод: действительно преступность – важнейший индикатор противоречий и дисфункций в жизнедеятельности социального организма, один из параметров, отражающих состояние общества на данном этапе исторического развития.

Валериу БУЖОР, доктор права